

Ю. А. Шкураток*, А. В. Кротова-Гарина**

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия

*shkuratok@mail.ru

**anastasia.garina@ya.ru

Система названий персонажей низшей демонологии в коми-пермяцком языке*

Из различных источников — полевых материалов, архивных записей и опубликованных текстов — было извлечено более сотни наименований мифологических персонажей низшей мифологии (далее — МП). Некоторые лексемы, содержащиеся в работах этнографов, вызвали серьезные сомнения в достоверности фиксации, например упоминаемое со ссылкой на архив В. П. Налимова название домового *моха*, так как в коми-пермяцком языке не может быть [х]. *Кузьюрсиа* (букв. «длинноволосый») в работе Т. Г. Голевой приводится как наименование водяного и банника, но, судя по контексту, мы не можем однозначно это утверждать: «...и сылӧ петас ю шӧрсис <...> ыджыт чочком морт кузьюрсиа, этшӧм мича, красавича» <...посреди речки вышел... большой белый человек с длинными волосами, такая красивая, красавица> [Голева, 2010, 55].

В этнолингвистике до сих пор не имеет однозначного ответа вопрос о том, что считать номинацией МП. В текстах мифологических рассказов, помимо слов, имеющих закрепленное в системе языка значение (*домовой*, *русалка* и пр.), существует ряд однословных и неоднословных наименований, указывающих на определенного МП. В качестве материала нами были взяты только те номинации, которые обладают относительной семантической и синтаксической слитностью и повторяются в ряде текстов.

Коми-пермяцкая мифологическая традиция испытала значительное влияние русской, что отражается в заимствованиях: *бес*, *домовик*, *кикимора*, *лешак*, *обороника*, *овинник*, *сатана*, *соседко*, *русалка* и др.

Достаточно большую группу составляют названия персонажей низшей мифологии, имеющие в коми-пермяцком языке прозрачную

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-012-00750.
© Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В., 2019

внутреннюю форму. Далее будут рассмотрены положенные в основу номинаций признаки.

Признак « м е с т о о б и т а н и я » реализуется в большой группе номинаций. Существуют названия для духов различных локусов: *бана-ись*, *банячуд* ‘банник’, *ваись*, *вабес*, *вакуль* ‘водяной’, *вакулёноккез*, *вакульпияннэз* ‘детеныши водяного черта’ (*ва* ‘вода’), *вõрьсь*, *вõрдядь*, *вõрлешак* ‘леший’ (*вõр* ‘лес’), *õвинчуд* ‘овинник’, *ыбдядь*, *ыбчуд* ‘дух поля’ (*ыб* ‘поле’).

Лексемы, объединенные признаком « в н е ш н и й в и д », достаточно разнородны и в меньшей степени удовлетворяют заявленным выше критериям устойчивости и семантической и синтаксической слитности. В текстах встречаются следующие обозначения лешего, актуализирующие признак аномального роста: *кузь дядя* (букв. «высокий дядя»), *ыджыт* (букв. «большой»), *ыджыт морт* (букв. «большой человек»). Помимо этого, лешего называют *кõспель* (букв. «сухоухий»), *сюра-пеля* (букв. «рогатый-ушастый»).

В ряду номинаций лешего приводится и *кизя-виэзя* (букв. «на застежках в полоску»), имеются в виду «пуговицы, застегнутые в ряд» [Голева, 2010, 97]. Подобные случаи Л. Н. Виноградова описывает в славянской традиции: «Значительно реже в демонологическом лексиконе восточных славян отмечается тенденция именования персонажей нечистой силы по особенностям их одежды» [Виноградова, 2016, 91]. В качестве примеров она приводит эфемистические названия водяники — *белая баба*, житного духа — *баба в красном казане* [Там же]. Стоит обратить внимание на то, что Л. Н. Виноградова сомневается в способности подобных словосочетаний быть полноценными языковыми единицами, включенными в «лексикон».

Следующая группа объединяет номинации, где признаком, актуальным для носителя традиции, является « д е й с т в и е » МП: *сорваись* (букв. «мешающий», «перемешивающий» либо «шальная») обозначает духа воды.

Признак в р е м е н и п о я в л е н и я МП отражается в таких названиях, как *лунишõрика* / *вунишõрика* (*лун* / *вун* ‘день’, *шõр* ‘середина’) — дух полей и лугов, активизируется во время летнего цветения, вплоть до полной уборки урожая с полей [Голева, 2010, 56], *ойшõрика* (*ой* ‘ночь’), соответствует славянскому МП *ночища*.

В отдельную группу были выделены непроезжие и безглагольные в современном коми-пермяцком языке названия: *абач* 'домовой', *боболь* 'детск. бука', *колян / калян* — дух дома, бани, леса, святочный персонаж, *куль* 'бес, черт'.

Проведенный анализ показал:

1) названия МП в коми-пермяцком языке составляют обширную группу;

2) большая группа номинаций является заимствованиями из русского языка, что связано с многовековым взаимодействием русской и коми-пермяцкой культур;

3) значительная часть коми-пермяцких наименований МП — имена мотивированные; можно выделить четыре основных признака, отраженных во внутренней форме: место обитания, внешний вид, время проявления и действия; наиболее продуктивна первая модель;

4) небольшую группу составляют непроезжие наименования, по всей видимости, более древние (например, *куль*).

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб., 2010.

К. С. Юзиева

Хельсинкский университет

Хельсинки, Финляндия

kristina.yuzieva@gmail.com

Деривационно-фразеологическая семантика названий птиц в марийском языке

В докладе представлены результаты анализа дериватов и фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в марийском языке. Орнитонимическое лексическое пространство можно рассматривать с точки зрения «левых» и «правых» семантико-мотивационных связей. При «левой»